

составляла 5–7 % от месячного заработка рабочих и служащих. Ощутимой помощью для горожан было то, что «государство брало на себя большую часть расходов по содержанию жилого фонда, а меньшую (в размере 40 %) возлагало на граждан» [30, с. 103].

Тем не менее, в целом для государственной политики того периода (как и для ее реализации на местах) характерной чертой стал приоритет развития производственной сферы в ущерб социальным программам. Итогом интенсивного промышленного развития стало хроническое отставание темпов жилищного строительства. Цели форсированного индустриального скачка оправдывали все сложности и невероятные лишения миллионов современников. Пристальное внимание властей к возведению промышленных объектов сопровождалось попустительством к срокам сдачи жилья и его качеству. Тем не менее, за первые десятилетия советской власти объемы городского жилищного строительства значительно увеличились. Жилищный фонд Верхнеудинска (Улан-Удэ) с 1923 по 1936 г. вырос с 121,3 до 190 тыс. м², т. е. увеличился на 60 %. Но, опять же, вследствие увеличения численности населения за то же время более чем в 3,6 раза норма жилой площади упала до катастрофического минимума — 2,4 м² на человека, а на новостройках и того ниже — 1,84 м² [31, с. 105]. К 1939 г. обеспеченность жильем улан-удэнцев увеличилась до 4,77 м² на человека, а жилищный фонд города в 1941 г. составлял уже 382,4 тыс. м² [32, с. 76]. Безусловно, значительное количество горожан, особенно из числа рабочих индустриальных гигантов Бурятии, получило новое жилье, переехав из бараков и землянок в благоустроенные или полублагоустроенные квартиры. В столице республики строились и дома, предназначенные для советской элиты. Однако большинство горожан по-прежнему только мечтали об улучшении своего жилищного положения. В результате кто-то въезжал в благоустроенный «дом специалиста», а кто-то по-прежнему «искал угол» в землянке или бараке. Этими обстоятельствами было продиктовано и неоднозначное отношение горожан (даже в рамках одной

социальной группы) к новым подходам властей в решении жилищной проблемы.

Острый дефицит квадратных метров усложнял процесс адаптации населения к происходящей интенсивной модернизации. Люди, очарованные призывами социалистической риторики к новой жизни, к освобождению, окончательному разрыву с прошлой — старой — жизнью, на практике сталкивались с невероятной жилищной нуждой. Разрешать внутренний конфликт желаний и возможностей им предстояло в обществе, которое строилось как социалистическое и одновременно индустриальное. Поэтому, с одной стороны, жилищная неустроенность усугубляла дискомфорт горожан, усложняла социально-психологический процесс усвоения новых, модернизированных социальных форм и экономических отношений. С другой стороны, в большинстве своем советские горожане, особенно представители молодого поколения из рабочей среды, увлеченные модернизационной перспективой, мирились с трудностями, считая их временными и оправданными во имя счастливого будущего следующих поколений советских людей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630А «Плавильный тигель» социализма: интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–30-е гг.)»

Литература

1. Литвинова О.А. Техническая модернизация в СССР во второй половине 1920-х гг. в ракурсе социально-психологического анализа // Россия в эпоху модернизации: опыт, проблемы, перспективы: материалы всерос. науч.-практической конф. с междунар. участием, 17-18 июня 2011 г. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2011. С. 56-59.
2. Сведения о промышленном и жилом фонде г. Верхнеудинска // ГАРБ (Гос. арх. Республики Бурятия). Ф. Р-275. Оп. 1. Д. 258.
3. Улан-Удэ – 350: история и современность: В 2 т. Т. 1. XVII – начало XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 372 с.
4. Скубневский В.А. Рабочие в обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. – февраль 1917 г.). Томск: Том. ун-т, 1991. 280 с.

5. О запрещении сделок с недвижимостью: Декрет СНК РСФСР от 14.12.1917 // Собр. Узаконений РСФСР. 1917. № 10. Ст. 154.
6. Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах: Декрет ВЦИК от 20.08.1918 // Собр. Узаконений РСФСР. 1918. № 2. Ст. 674.
7. О муниципализации строений в городах Баргузине и Верхнеудинске: постановление Президиума ЦИК и СНК БМАССР № 67 // Бюл. ЦИК и СНК БМАССР. 1924. № 11. С. 11-16.
8. Тихонов А.Л. Исторический опыт реализации государственной жилищной политики в городах Бурятии в конце 1950-х – 1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2016. 184 с.
9. По Республике // Жизнь Бурятии. 1924. № 6. С. 114-115.
10. О создании Чрезвычайной Жилищной комиссии для уплотнения и переселения госучреждений, расположенных в г. Верхнеудинске: постановление Президиума ЦИК и СНК БМАССР № 95 // Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР. 1924. № 19. С. 4-5.
11. Работа Чрезвычайной жилищной комиссии // Бурят-Монгольская правда. 1924. № 247 (345). С. 5.
12. Где же жить // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 234. С. 4.
13. Даешь квартиру // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 234. С. 4.
14. Как получить квартиру // Бурят-Монгольская правда. 1928. № 26. С. 6.
15. О демунципализации некоторых имуществ по городу Верхнеудинску: постановление Президиума ЦИК и СНК БМАССР № 51 // Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР. 1925. № 29. С. 4-5.
16. Республика Бурятия. 75 лет: стат. сб. Улан-Удэ, 1998. С. 20 с.
17. Зверьков С.Ф. Характеристика городской недвижимости, нового строительства, жилищных условий и квартирной платы в БМАССР // Жизнь Бурятии. 1928. № 7-9. С. 36-51.
18. Социалистическое строительство Бурятии за десять лет: экон. обзор и стат. справочник (1923 – 1932). Верхнеудинск: Бургосиздат, 1933. 149 с.
19. Жилищное, школьное и больничное строительство в Бурятии // Жизнь Бурятии. 1927. № 1-3. С. 7-9.
20. Гринберг Ф., Копылова К. Профессиональные и социальные болезни на стекольном заводе // Жизнь Бурятии. 1929. № 2. С. 89-93.
21. Плеханова А.М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 441 с.
22. Постройка тротуаров // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 4. С. 3.
23. Обязательное постановление Верхнеудинского городского исполнительного комитета Совета рабочих и красноармейских депутатов № 52 от 13 сентября 1924 г. // Бурят-Монгольская правда. 1924. № 206. С. 5.
24. Двухнедельная информационная сводка ОГПУ // ГАРБ. Ф. П-1. Оп.1. Д. 833.
25. Балдано М.Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923-1991 гг.): достижения, издержки, уроки. Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2001. 431 с.
26. Сведения о санитарно-эпидемиологическом состоянии г. Верхнеудинска // ГАРБ. Ф. Р-665. Оп. 1. Д. 47.
27. Отчет Правительства VI Съезду Советов Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское гос. изд-во, 1935. 72 с.
28. История Бурятской АССР: в 2 т. / гл. ред. П.Т. Хаптаев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. . 644 с.
29. Материалы к отчету Верхнеудинского комхоза // ГАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 4203.
30. Иминохоев А.М. Уровень потребления и бюджет рабочей семьи в 1930-е гг. (на примере Верхнеудинска/Улан-Удэ) // Мир Центральной Азии – 3: сб. науч. ст. Улан-Удэ; Иркутск, 2012. С. 100-104.
31. Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. 248 с.
32. Бурят-Монгольская АССР за десять лет. М.; Иркутск: ОГИЗ, 1933. 136 с.

УДК 332.1.(571.53)

Из истории сельского хозяйства среднего Приангарья

Г.А. Цыкунов

Байкальский государственный университет, ул. Ленина 11, Иркутск, Россия

Tsykunov ga@gmail.com

Статья поступила 11.05.2018, принята 28.06.2018

Рассматриваются исторические и экономические аспекты развития сельского хозяйства Среднего Приангарья, ставшего территорией нового хозяйственного освоения и создания крупного промышленного комплекса. Прослеживаются основные этапы развития сельскохозяйственной отрасли в советский и современный периоды. Особое внимание уделяется реконструкции сельского хозяйства в районах строительства ангарских гидроэлектростанций. Исследуются территориальная организация сельскохозяйственного производства, его структура, объемы произведенной продукции. Рассматриваются последствия рыночных реформ, ставших разрушительными для сельского хозяйства региона и способствовавших его значительному отставанию сравнительно с общим экономическим развитием Иркутской области.

Ключевые слова: Среднее Приангарье; сельское хозяйство; растениеводство; животноводство; сельскохозяйственные организации; фермерские хозяйства; частные подсобные хозяйства.

From the history of agriculture of the Middle Angara Region

G.A. Tsykunov

Baikal State University; 11, Lenin St., Irkutsk, Russia

Tsykunov ga@gmail.com

Received 11.05.2018, accepted 28.06.2018

The historical and economic aspects of the development of agriculture in the Middle Angara Region, which has become the territory of new economic development and the creation of a large industrial complex, are considered. The main stages of the development of the agricultural branch in the Soviet and modern periods are traced. Particular attention is paid to the reconstruction of agriculture in the areas of construction of the Angara hydropower stations. The territorial organization of agricultural production, its structure, and the volume of output are studied. The consequences of market reforms, which have become destructive for the region's agriculture and contributed to its considerable lag in comparison with the overall economic development of the Irkutsk region, are considered.

Keywords: Middle Angara Region; agriculture; plant growing; livestock; agricultural organizations; farms; population farms.

В экономико-географической литературе Среднее Приангарье включает территорию Братского, Усть-Илимского и Нижнеилимского районов Иркутской области. Выделение этого района было связано с формированием в его пределах Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса (ТПК), проходившем в 1950–80-е гг. На долю Среднего Приангарья приходится 8,8 % всей территории области, на которой на начало 2018 г. проживало 425,9

тыс. чел., или 17,8 % от населения Иркутской области [1].

Начавшееся в середине XVII в. хозяйственное освоение Восточной Сибири было связано не только с пушным промыслом, но и с земледельческим освоением новых территорий. Это подтверждается высказыванием известного экономиста и историка В.Н. Шерстобоева о том, что истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а папшенные крестьяне [2, с. 4]. В исто-

рии земледельческого освоения региона видное место занимало Илимское воеводство. В начале XVIII в. посевные площади воеводства составляли более 5 тыс. десятин. Наибольший удельный вес в структуре посевов занимала озимая рожь, наименьший — пшеница, которая в условиях горно-таежной местности плохо приживалась и давала низкие урожаи. Из других культур в Илимском воеводстве возделывались яровая рожь, овес, ячмень, конопля, лен. Крестьяне в основном применяли двухпольную систему земледелия, обрабатывая землю сохой с двумя сошниками. Урожайность яровой ржи достигала 77 пудов с десятины, озимой ржи — 65, пшеницы — 53 пудов, что являлось положительным результатом [3, с. 13].

В начальный период освоения региона развивалась государева пашня, которая обрабатывалась служилыми людьми, а со второй половины XVII в. развитие земледелия приняло форму крестьянского хозяйства. Пашенные крестьяне несли государственные повинности: сдача десятинного хлеба, несение подводной гоньбы, поставка рекрутов, а позднее — подушная подать. Значение «Илимской пашни» заключалось не только в том, что она обеспечивала продовольствием местное население, но и в ее важном положении в доставке хлеба по Лене в Якутию. Впоследствии Илимское воеводство передает Иркутской губернии ряд волостей с развитым земледелием и расселяет своих крестьян вверх по рекам Ие, Оке, где возникают новые очаги земледелия. Таким образом, созданная в середине XVII в. в Ангаро-Илимско-Ленском районе «Илимская пашня» оказала огромное влияние на развитие земледелия в Сибири [3, с. 14].

В 1920–30-х гг. сельское хозяйство Среднего Приангарья продолжало носить очаговый характер в долинах рек Ангары и Илима. Созданные на месте крестьянских хозяйств мелкие колхозы унаследовали сложившуюся в течение столетий специализацию и структуру землепользования. Часть произведенного зерна, мяса и полученного на мелких маслодельных пунктах масла вывозилась в южные районы области. Несмотря на про-

веденную коллективизацию, следует отметить важную роль личного подсобного хозяйства в общерегиональном производстве сельскохозяйственной продукции. Так, в 1940 г. удельный вес посевной площади картофеля в личных подсобных хозяйствах составлял 55 %, овощей — 83,3 %, а удельный вес крупного рогатого скота — 57,6 % [4, с. 50]. Таким образом, до начала крупномасштабного промышленного развития Среднего Приангарья здесь действовало исторически сложившееся сельское хозяйство, способное удовлетворять потребности местного населения в основных продуктах питания.

Начавшийся в послевоенный период процесс формирования Братско-Усть-Илимского ТПК привел к коренным изменениям в сельском хозяйстве региона. При строительстве Братского гидроузла большая часть колхозных населенных пунктов оказалась в ложе будущего водохранилища ГЭС. Под затопление попадало более 167 тыс. га сельскохозяйственных угодий, из них 26,6 тыс. га пашни (в пределах территории ТПК — 45,5 тыс. га сельхозугодий, из них 26,6 тыс. га пашни). В 1974–1975 гг., с наполнением Илимского водохранилища, оказались затопленными еще 21,3 тыс. га сельскохозяйственных угодий, в том числе 12,3 тыс. га знаменитой илимской пашни [4, с. 51]. Так в результате создания ангарских водохранилищ большая часть разработанных земель, материально-технической базы, обжитых крестьянских сел были выведены из производственного цикла и перестали существовать.

Теория и практика ТПК предусматривала создание наряду с промышленной, строительной инфраструктурой и сельскохозяйственных баз. Однако при проектировании и создании комплексов вопросам развития сельского хозяйства уделялось крайне незначительное внимание при неудовлетворительном выделении финансовых и материальных средств. Положение усугублялось и тем обстоятельством, что в Среднем Приангарье пришлось создавать новое сельскохозяйственное производство на неосвоенных таежных землях, малопригодных для его развития.

В период реконструкции сельского хозяйства в зоне влияния Братского и Усть-Илимского водохранилищ вместо 140 мелких колхозов образовалось 14 укрупненных совхозов. Однако сельское хозяйство в условиях быстрого роста городского населения не смогло обеспечить быстрый рост его потребностей в продуктах питания. Главной причиной медленного роста сельскохозяйственной продукции являлась острая нехватка сельскохозяйственных земель. В проектных работах не предусматривалось полное возмещение затопляемых территорий, да и урезанные планы освоения новых земель не выполнялись. Например, к началу заполнения водохранилища Усть-Илимской ГЭС было введено лишь 53,3 % планируемой пашни. Сданные в эксплуатацию земли требовали проведения дальнейших культурно-технических работ, главной из которых являлась ликвидация древесно-земляных валов, которые заметно уменьшали освоенные площади и затрудняли применение сельскохозяйственной техники [5, с. 37].

Серьезнейшей проблемой сельского хозяйства Среднего Приангарья в период формирования ТПК являлось снабжение населения мясомолочной продукцией. В 1978 г. в Усть-Илимском и Нижнеилимском районах за счет собственного производства потребности жителей удовлетворялись по молоку на 12 %, мясу – на 5 %. По Братскому промышленному узлу государственная дотация по мясу в форме централизованных поставок составляла более 70 %, по молочной продукции – около 74 % в общем объеме потребления. Местные органы власти совместно с промышленными предприятиями пытались решать острые проблемы в снабжении населения продовольствием. Наиболее успешным оказался опыт теплично-парникового комбината совхоза «Пурсей», получавшего тепло и воду благодаря Братскому лесопромышленному комплексу. Здесь производилось более половины овощей от областного валового сбора, что позволяло обеспечивать овощной продукцией не только население региона, но и жителей северных районов области [5, с. 38].

Развитие сельского хозяйства Среднего Приангарья во многом зависело и от обеспеченности его специалистами и рабочими. Если до начала формирования ТПК здесь проживало только сельское население, то в 1986 г. удельный вес горожан составлял 82,3 %. В народном хозяйстве региона было занято 279,8 тыс. чел., из них в сельском хозяйстве (включая Братскую птицефабрику) – всего лишь 8,6 тыс. чел., или 3,1 % [4, с. 53].

В 1980-х гг. в рамках реализации Продовольственной программы СССР в регионе проходило создание подсобных хозяйств на базе промышленных предприятий, строительных организаций, других учреждений. Их развитие производилось за счет внутренних резервов с широким использованием промышленных отходов тепла, воды, пищевых отходов общественного питания. Управление «Братскгэсстрой» проводило строительство целого подсобного совхоза мясомолочного направления «Бикей», а Усть-Илимский лесопромышленный комплекс создал совхоз «Ангара». Другим важным направлением в решении задач обеспечения сельскохозяйственными продуктами являлось интенсивное развитие садово-огородных кооперативов. В середине 1980-х гг. только в Братске и Братском районе имелось 104 садово-огородных кооператива, объединявших более 30 тыс. садоводов и ежегодно производивших примерно 3 640 т овощей, 15 480 т картофеля, и 1 213 т ягод [5, с. 41].

Таким образом, несмотря на суровые природно-климатические условия в Среднем Приангарье, в советский период функционировало относительно развитое сельское хозяйство. В 1990 г. в хозяйствах всех категорий посевные площади всех сельскохозяйственных структур составляли 90,8 тыс. га, из них посевные площади зерновых и зернобобовых культур – 33,5 тыс. га, посевные площади картофеля – 3,4 тыс. га, посевные площади овощей открытого грунта – 1,5 тыс. га. Наличие этих посевных площадей позволило достигнуть валового сбора зерновых культур в объеме 34,9 тыс. т, кар

тофеля – 61,5 тыс. т, овощей открытого грунта – 11,2 тыс. т [6, с. 18–31].

Наряду с полеводством в регионе развивалась и животноводческая отрасль. В 1991 г. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 51,4 тыс. голов, свиней – 18,1 тыс., овец и коз – 37 тыс. Следует отметить, что поголовье крупного рогатого скота в совхозах почти в 7 раз превышало поголовье в хозяйствах населения. В то же время, личные подворья по количеству свиней в 3 раза превосходили коллективные хозяйства. В указанный период было произведено 15,7 тыс. т мяса (в живом виде) и 54 тыс. т молока, что не позволяло обеспечить потребности жителей в этих продуктах [6, с. 49–55]. Расположение в регионе крупной Братской птицефабрики с комбикормовым заводом снимало проблему с обеспечением населения диетическим яйцом.

С началом рыночных реформ сельское хозяйство Среднего Приангарья, как и вся отрасль страны, оказалось в тяжелейшем экономическом и финансовом положении. Лишившись государственной поддержки, совхозы попали под процедуру банкротства и были ликвидированы. В результате длительной реорганизации возникла новая структура сельскохозяйственного производства, включающая в себя сельскохозяйственные организации, хозяйства населения и крестьянские (фермерские) хозяйства. В реестре товаропроизводителей, занимающихся сельским хозяйством, постоянно происходят изменения, связанные с учетом хозяйств, что приводит к структурным изменениям в отрасли.

Разрушение советской системы хозяйствования привело к сокращению всех показателей сельскохозяйственного производства. С 1990 по 2011 гг. посевные площади всех сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий сократились с 90,8 тыс. га до 37,7 тыс. га, посевные площади картофеля – с 6 тыс. га до 4,3 тыс. га, посевные площади овощей открытого грунта – с 1,5 тыс. га до 0,9 тыс. га [7, с. 109, 113, 118, 123]. Наибольшие потери в посевных площадях (более 75 %) понесли сельскохозяйственные организации, что было вызвано ликвидацией

совхозов. Также повсеместно, по всем районам, уменьшается посевной клин в хозяйствах населения, что объясняется нехваткой рабочей силы и сельскохозяйственной техники. С другой стороны, происходит расширение посевных площадей в крестьянских (фермерских) хозяйствах, которые стали получать различную государственную поддержку.

Сокращение посевных площадей основных сельскохозяйственных культур отрицательным образом сказалось на их валовом сборе. За 1990–2011 гг. производство зерновых культур в хозяйствах всех категорий уменьшилось с 34,9 тыс. т до 17,9 тыс. т, или на 48,7 %; картофеля – с 82,7 тыс. т до 62,4 тыс. т, или на 24,5 %. В то же время, производство овощей с учетом тепличного выращивания увеличилось с 11,2 тыс. т до 16,1 тыс. т, или на 11,9 %. В структуре валового сбора зерновых культур лидировали сельскохозяйственные организации, а почти весь урожай картофеля и овощей собирался в хозяйствах населения [7, с. 131–133].

В период урбанизации Среднего Приангарья была изменена специализация сельского хозяйства, выразившаяся в повышении роли мясомолочного животноводства. На мясную и молочную продукцию был наибольший спрос в быстро растущих городах и поселках Братско-Усть-Илимского ТПК. Однако в ходе рыночных реформ именно животноводческая отрасль понесла наибольшие потери. С 1991 по 2011 гг. поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах всех категорий сократилось с 52,4 тыс. до 9,4 тыс. голов (на 82,1 %), в том числе коров – с 18,5 тыс. до 4,9 тыс. голов (на 73,5 %); свиней – с 48,1 тыс. до 12,3 тыс. голов (на 74,4 %). Наибольшее сокращение поголовья крупного рогатого скота произошло в Усть-Илимском районе – на 93,1 %, в Нижнеилимском районе – на 89,8 % [7, с. 145–147]. Крупный рогатый скот, в том числе коровы, сохранились лишь в личных подсобных хозяйствах населения. Можно констатировать, что животноводство в этих районах фактически было уничтожено. С 1990 по 2011 гг. в целом по